

Мастер физиогномики с тревогой произнёс: «Оставь эти мысли, брат. Мы ведь в Великой Янь, где до небес высоко, а император далёко. Захотим уйти — никто нас не удержит. Не стоит жертвовать жизненным счастьем ради тяжкой и неблагодарной службы. К тому же, тот «небесный снежный лотос», к которому ты рвешься, уже лишён мужской силы. Если ты сейчас ещё и внизу отрежешь...» — он с сочувствием взглянул на живот Лу Чжэнмина, — «то чем же ты тогда покорять его станешь?»

Лу Чжэнмин: «...»

На этот раз в него полетел не нож, а горящая головня, рассыпающая снопы искр!

...

Тем временем на другом конце дворца тот самый «небесный снежный лотос», новый фаворит при дворе и наместник Восточной палаты Хэ Сы стоял с ледяным лицом у дверей Императорского кабинета.

Он лишь успел вернуться в Восточную палату, смыть с себя прах могил и переодеться, собрался было вздремнуть, а после собрать своих подручных, чтобы обсудить, как вычислить дерзких цзиньцев, посмевших посягнуть на него.

Но не успел он снять сапоги, как прибыл срочный вызов.

Рассвет только занялся, утренний приём окончился, и теперь юный император занимался в кабинете уроками и каллиграфией.

Хэ Сы едва держался на ногах от усталости, глаза нестерпимо слипались, а всё тело ломило от жара. Он готов был рухнуть на месте, но назойливый гам, доносившийся из кабинета, — крики и стук, словно жужжание мух, — вгрызался в сознание.

Шумел, разумеется, юный император: швырял книги, пинал стол, будто жаждал сорвать крышу.

Хэ Сы подумал, что покойный император отошёл в мир иной слишком рано. Некому было укрепить хребет этому исчадию ада, втолковать ему, что тех, кто мешает спать, ждёт суровая расправа.

Повседневный распорядок юного императора скрупулёзно фиксировался придворным летописцем и докладывался Хэ Сы, поэтому тот знал: молодой государь не ладит с новым учителем.

Руководствуясь принципом «чем хуже маленькому негодю, тем лучше мне», Хэ Сы до поры закрывал на это глаза. Но сегодня, когда юный император заговорил о казни наставника, стало ясно — дальше так продолжаться не может.

Нужно было найти способ втолковать этому выродку непреложную истину: кто сеет ветер, пожнёт бурю.

Шум внутри не утихал уже некоторое время. Лицо Лайфу покраснело, как цветок граната. Хэ Сы счёл, что момент подходящий, постучал в дверь кабинета и произнёс: «Ваше Величество».

В кабинете мгновенно воцарилась тишина, после чего разъярённый юный император рывкнул: «Что тебе нужно, собачий раб?!»

Хэ Сы, из последних сил борясь со сном, почтительно ответил: «Ваше Величество, я слышал, что вы не в духе, и принёс кое-какие диковинки и лакомства с улицы, дабы развлечь вас».

Юный император на мгновение затих, сдерживая ярость, затем злобно прошипел: «Не нужна мне твоя похлёбка! И видеть тебя не желаю! Вон!»

Хэ Сы сделал вид, что не расслышал, и вошёл в кабинет. За главным столом сидел молодой человек лет двадцати четырёх — двадцати пяти, миловидный, с умным лицом учёного. Его верхнее платье было забрызгано тушью, а на лице застыло выражение смиренной досады.

Юный император же походил на взведённую петарду. Его личико пылало, а взгляд выражал готовность уничтожить любого, кто попадётся на глаза.

Он обернулся, увидел Хэ Сы в ярко-алом драконьем халате, а затем заметил коробку в его руках. Лицо государя исказилось от ужаса, словно перед ним предстал сам владыка преисподней: «Ты... ты... разве я не сказал, что не желаю тебя видеть?!»

Хэ Сы поставил коробку на стол, нагнулся, подобрал разбросанные по полу книги, отряхнул с них несуществующую пыль и с деланным простодушием спросил: «А? Разве? Ваше Величество изволили сказать, что не желают меня видеть?» Он обернулся к Лайфу, нахмурившись. «Государь говорил?»

Лайфу, дрожа у двери, словно испуганный птенец, не смел ни подтвердить, ни опровергнуть. Казалось, он вот-вот рухнет без чувств.

Наставник, сидевший на почётном месте, наблюдал за этой сценой с каменным лицом. Неизвестно, кого он проклинал сильнее: малолетнего императора, предавшего учителя, или наместника Восточной палаты, способного перевернуть всё с ног на голову.

Хэ Сы был уверен, что тот думает лишь одно: Великой Янь пришёл конец.

И в самом деле, всякий раз, глядя на этого самоубийственного отпрыска и на долги Восточной палаты, он чувствовал: все они вместе летят в пропасть.

Не став мучить Лайфу дальше, Хэ Сы с показным раскаянием хлопнул себя по лбу и смиренно склонился перед юным императором: «Последние дни я всецело предавался служению вашему Величеству, не смыкал глаз ни днём, ни ночью. Оттого дух мой, видимо, изнемог, и я не разобрал ваших священных слов. Молю, простите меня в этот раз».

Юный император был на грани взрыва. Он тыкал в Хэ Сы дрожащим пальцем: «Ты... ты...» Казалось, он вот-вот ляпнет «собачий евнух», но, бросив взгляд на коробку со сладостями на столе, сглотнул слюну и, стиснув зубы, прошипел: «А если я не прощу?!»

Что ж, ничего страшного. Не простит и не простит. Хэ Сы мысленно закатил глаза, но на словах произнёс с подчёркнутой серьёзностью: «Тогда мне не останется ничего иного, как сложить с себя головной убор, принести повинную и вместе со всеми чинами Восточной палаты подать в отставку по собственному желанию».

Эти слова пришлись юному императору по душе. Его глаза заблестели от возбуждения: «Правда? Тогда я...»

До сих пор молча наблюдавший наставник неспешно проговорил: «Ваше Величество, подумайте трижды».

Юный император уже собрался огрызнуться, что он и так думал не раз, но вдруг встретился взглядом с Хэ Сы. Глаза наместника были красиво изогнуты, но улыбка в них оставалась ледяной.

Словно ушат ледяной воды выплеснулся на государя, пронизав до самых костей.

Он вдруг вспомнил, что такое Восточная палата и кто такой её наместник.

Он видел, как общался с его отцом, покойным императором, прежний старый глава Палаты.

Тот, хоть и был слугой и подданным, не выказывал перед Сыном Неба ни капли подобострастия. Порой даже сам император, властитель девяти пядей, не решался поднять на него глаза.

Юный император застыл на месте. Он-то был императором! А внизу стоял всего лишь презренный собачий евнух! Но все гневные слова, все обличения застряли у него в горле.

Он боялся этого молодого наместника Восточной палаты. Боялся до глубины души.

Не только юный император уставился на Хэ Сы. Наставник, сидевший за почётным столом, тоже исподволь наблюдал за молодым наместником.

Лет двадцати от роду, статный, словно свежий ветер и ясная луна, с приветливым, улыбочивым взглядом, в котором не читалось и капли жестокости. Но когда он только что говорил об отставке, в его словах явственно сквозила угроза.

Наместник Восточной палаты, в конечном счёте, — всего лишь слуга императора. Едва ли он совершит такое чудовищное преступление, как узурпация трона. Но то, что он не убьёт императора, не значит, что не убьёт кого-то ещё. Наставник размышлял: если тот действительно сложит полномочия, то, стоит ему захотеть, найдётся тысяча способов заставить императора умолять его вернуться.

Хэ Сы, на которого уставились оба, внезапно почувствовал себя обезьянкой, которую выставили на потеху.

Что происходит? Почему все вдруг притихли, как куры? Как ему теперь выпутываться из этой ситуации?

Хэ Сы крикнул и откашлялся, чтобы вывести их из ступора.

Юный император с мрачным видом плюхнулся на место, словно сердитый перепел.

Хэ Сы сначала проигнорировал его и обратил взор на почтительно сидевшего наставника. Тот показался ему знакомым, будто они где-то встречались...

Наставник, заметив его замешательство, сам подал голос: «Наместник, должно быть, видел меня мельком во внутренней школе».

Хэ Сы озарило. А, так это тот новый учитель, которого пригласили во внутреннюю школу на смену сбежавшему старому академику! Не мудрено, что он его не запомнил: в тот день его приёмный отец внезапно возжелал покинуть бранный мир, отрёкшись от власти и славы, и подал в отставку. А Чжао Цзинчжун тогда всё объяснил так туманно, что Хэ Сы решил, будто его батюшку наконец-то прикончили недруги. Он в панике бросился прощаться, думая, что

видит отца в последний раз.

Поэтому с новым учителем он так и не познакомился.

Юный император громко скрипнул зубами, явно гневаясь от мысли, что у него с какими-то евнухами один наставник.

Хэ Сы подумал, что у этого ребёнка явные проблемы с головой. Ещё две с лишним тысячи лет назад Конфуций говорил: «Обучение не должно знать сословий». Если уж великий учитель располагает свободным временем, что плохого в том, чтобы обучить и внутренних слуг после занятий с тобой? По мнению Хэ Сы, этот мелкий негодяй был куда менее смыслённым и послушным, чем мальчишка, подметавший отхожие места в Вечном переулке.

Хэ Сы вежливо сложил руки в приветствии: «Прошу прощения, учитель. В тот день меня отозвали по неотложному делу, и я не смог поприветствовать вас должным образом. Не взыщите».

Наставник поспешно ответил: «Не смею, не смею».

Пока они обменивались церемонными любезностями, юный император сидел, отчуждённый, с лицом, вытянувшимся на целый чжан.

<http://bllate.org/book/16284/1467060>